

Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Ноянзина О.Е.,
Гончарова Н.П., Авдеева Г.С.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ, ДОВЕРИЕ И ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Данная статья посвящена анализу социального капитала молодежи в виде институционального доверия и социальных сетей поддержки как фактора участия в общественно-политической жизни общества. В статье на основе анализа статистических данных и опросов выявляются уровень и особенности оформления социального капитала молодежи; уровень интереса молодежи к политике и т.д. В работе представлены результаты опросов проведенных авторами лично. Эмпирической основой исследования являются данные социологического опроса, проведенного сотрудниками Алтайского государственного университета в шести приграничных регионах России. Для построения предсказательных моделей поведения на основе иерархического регрессионного анализа используются единичные показатели и сводные индексы институционального и общественного доверия, гражданского и политического участия. Полученные в ходе исследования результаты позволяют утверждать, что для актуального состояния регионального социума характерна утрата значения традиционных неформальных связей в формировании потенциала гражданского участия молодежи. Определяющим фактором для молодежи выступает доверие к институтам гражданского общества, особенно к благотворительным, природоохранным и правозащитным организациям. Возможность активно участвовать в процессе принятия решений через гражданские объединения и инициативы, уважение к свободе слова, культурному и политическому многообразию, являются для молодых людей привлекательными ценностями сегодняшнего мира.

Ключевые слова: социальный капитал, доверие, гражданское участие, молодежь, политическое участие, молодежный активизм, политические партии, гражданское общество, некоммерческие организации, неформальные сети поддержки.

Abstract. The article is dedicated to the analysis of social capital of the youth in form of institutional trust and social networks of support as factor of participation in sociopolitical life of society. Based on the statistical data and surveys, the author determines the level and peculiarities of formalization of social capital of the youth, level of their involvement into politics, etc. The empirical foundation of this research consists in the data of sociological survey, performed by the members of Altai State University in the six regions bordering Russia. In order to build the forecasting models of behavior based on the hierarchical regression analysis, the author uses the simple and summary indexes of institutional and public trust, as well as civil and political participation. The results acquired during the course of this research allow claiming that the lack of importance of the traditional informal connections in establishment of potential of civil participation of the youth is characteristic to the current state of regional society. A determining factor for the youth is trust towards institutions of civil society (especially charitable), as well as environmental-oriented and legal organizations. The opportunity to actively participate in the decision-making

Публикация подготовлена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках базовой части государственного задания ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», код проекта №28.1475.2014К «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

process through the civil unions and initiatives, respect for the freedom of speech alongside the cultural and political multiplicity, are the most appealing values for youth in the modern world.

Key words: *nonprofit organizations, civil society, political parties, youth activism, political participation, youth, civic engagement, trust, social capital, informal support networks.*

Результаты опросов общественного мнения фиксируют, что за исключением выборов либо отмеченных какими-либо вызовами для государственной власти периодов российская молодежь в своем большинстве апатична и отстранена от политики. По данным ВЦИОМ, не более трети молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет проявляют интерес к политике, а согласно исследованиям ФОМ, почти половина молодежи считает политику исключительно «грязным делом» [1, 3]. Одновременно с этим молодежь оказывается в эпицентре государственного, общественного и научного интереса в результате участия в «цветных революциях», акциях прямого действия, направленных на делегитимацию существующих политических институтов, создание общественного резонанса, привлечения внимания к наиболее острым социальным проблемам [5]. Используя неконвенциональные, эпатажные формы коллективных действий, молодежь демонстрирует новую модель участия, характеризующуюся активным использованием сетевых технологий и коммуникаций, альтернативных каналов влияния и отсутствием четких и явных структур управления и контроля.

Противоречие между увеличением ответственности молодежи за будущее страны и ее реальным положением, устремлениями и настроениями, умело манипулируемыми заинтересованными игроками, поставило перед исследователями новые задачи по исследованию факторов социальной активности и политического участия молодежи.

Теоретико-методологические предпосылки исследования. Начиная с ранних исследований влияния общинных школ на особенности взаимодействия, коммуникацию и повседневную жизнь в сельской местности (L.Hanifan, 1916) и появления во второй половине XX в. фундаментальных работ П.Бурдье, Дж.Коулмана и Р.Патнема, концепция социального капитала является важнейшим инструментом для изуче-

ния процессов и результатов функционирования социальных систем [11].

Рассматриваемый на нескольких уровнях анализа, используемый в нормативном и аналитическом контекстах, концепт социального капитала снискал широкую популярность среди исследователей и практиков. В то же время междисциплинарное распространение данного термина привело к «размытости понятия» и породило множество вопросов методологического характера, касающихся определения его сущности, основных носителей и потребителей, адекватных инструментов измерения, взаимосвязей между структурными элементами и др.

На микроуровне под социальным капиталом понимается источник материальной, информационной и эмоциональной поддержки, совокупность реальных или потенциальных имеющихся ресурсов, к которым актер получает доступ посредством членства в социальных группах, социальных сетях или более широких структурах. Этот подход опирается на определение социального капитала как индивидуальной характеристики, опосредующей использование других видов капитала, и рассматривается в трудах П.Бурдье, Н.Лина, Дж. Коулмана, Р.Берта, У.Бейкера, А. Портеса и др. Ключевой характеристикой социального капитала на микроуровне является его конвертируемость, то есть способность превращения в другие формы капитала, при этом возникает необходимость четкого разграничения социального капитала от конституирующих его социальных сетей, социальных взаимодействий, групп и сообществ [14]. Как подчеркивает Н.Е. Тихонова, «капиталом ресурс сетей можно считать лишь в том случае, если можно установить отчетливую связь между наличием этого ресурса и возрастанием других видов капитала, прежде всего экономического» [8, с. 25].

В рамках макроуровневого подхода социальный капитал представляется в качестве группового ресурса, общественного блага, способст-

вующего развитию демократии, эффективному функционированию формальных институтов, социальных программ и государства.

Сторонниками подобного понимания (Р. Патнем, М. Пелдем, М. Шифф, Ф. Фукуяма и др.) подчеркивается, что польза, создаваемая социальным капиталом, может раскрыться через стабильность и согласованность общества, взаимозависимость между социальными структурами различных уровней. Только обществу, имеющему сильный социальный капитал, гарантируется развитие экономики и сильное государство, чье влияние контролируется гражданскими структурами населения. Напротив, чем меньше социального капитала в обществе, тем сильнее влияние государства и других формальных институтов.

Альтернативным способом анализа социального капитала является предложенный П.Адлером и С.-В. Квоном: фокусирование внимания исследователей на сущности, источниках и последствиях использования социального капитала и акцент на анализе взаимосвязей. В первом случае принято выделять источники или структурные элементы социального капитала, такие как социальные сети, доверие, правила и нормы, запечатленные в виде убеждений, ожиданий и ценностей, а также солидарность, которые часто используются не только как составляющие, но и эквивалент социального капитала. Во втором случае могут анализироваться особенности отношений, которые актор поддерживает с другими акторами, принадлежащими к внешним по отношению к нему группам, структуры взаимосвязей между акторами в пределах одной общности, либо оба типа взаимосвязей [10].

В зависимости от того, какие связи, внутренние или внешние, задействованы в формировании социального капитала и каковы особенности взаимоотношений между группами, выделяют несколько его видов. Если акцент ставится на анализе внешних связей, объединяющих индивидов из различных групп, действующих на основе общепринятых норм, ценностей и идеалов для достижения некоторой общественно-значимой цели, то речь идет об *открытом* или *объединяющем*, «*наводящем мосты*» (англ. bridging) капитале.

Определения социального капитала, акцентирующие внимание на связях внутри групп, чьи оппортунистические намерения не только не согласуются, но и противоречат общественным интересам, соответствуют понятию *связывающего или закрытого* (англ. bonding) капитала. Формирование такого капитала может иметь негативные последствия для общества, особенно в условиях низкого доверия к формальным институтам, потерявшим способность оказывать организующее и регулирующее воздействие на социум [Полищук, Меняшев, 2011:48].

Современные сетевые структуры, продуцирующие социальный капитал, трансформируют экономику и социальную жизнь и ориентированы на воспроизводство социальных добродетелей, повышая социальную субъектность тех групп и индивидов, которые в рыночной экономике занимали подчиненные позиции и были отчуждены от носителей успеха [4]. Особая роль в таких переменах отводится молодежи, как поколению постматериалистической ориентации.

Сохраняя акцент на анализе важнейших элементов формирования социального капитала – социальных сетей и коммуникации, доверия и взаимовыручки, чувства принадлежности к группе и гражданской идентичности, исследования показали влияние социального капитала молодежи не только на индивидуальном уровне в виде академических успехов, роста социальных сетей и ресурсов, но и его влияния на сообщество в целом [16].

Увеличение социального капитала способствует снижению подростковой преступности и улучшению межпоколенных взаимодействий, через опыт участия происходит формирование и совершенствование навыков межличностного общения, культивируется взаимоуважение и интериоризируются демократические ценности, что отражается на социальном уровне, когда молодежь достигает окончательной зрелости [9, 13].

Доверие понимается большинством исследователей как значимый элемент социального капитала, тогда как взаимосвязь между социальным капиталом и участием трактуется двояко [12]. С одной стороны, авторы апеллируют к социальному капиталу как позитивному результату

участия в различных программах, повышающих шансы молодежи добиться успеха в жизни (молодежь выступает потребителем социального капитала). С другой стороны, подчеркиваются положительные результаты участия молодежи в коллективных действиях, имеющие значение для общества в целом (молодежь как производитель социального капитала) [15, 17].

Существующие теоретические исследования подчеркивают важность развития социального капитала и гражданского участия для развития социально-экономической сферы и усовершенствования государственного управления, в то же время роль социального капитала молодежи в этих процессах еще не получила достаточного концептуального и эмпирического осмысления.

Методика исследования. Анализ взаимосвязи социального капитала и гражданского участия молодежи проводился на основе данных социологического исследования «Социальный капитал гражданского общества: состояние и перспективы развития сектора негосударственных некоммерческих организаций в приграничных территориях современной России». Опрос проводился в шести регионах: Алтайский край, Забайкальский край, Калининградская, Кемеровская, Оренбургская области, Республика Карелия. Многоступенчатая выборка с использованием квотного отбора ($n=2400$), возраст респондентов – от 15 до 70 лет.

Для построения эмпирической модели использовались показатели и сводные индексы, используемые в качестве независимых факторов: доверие к институтам гражданского общества, в том числе к политическим партиям, общественным, некоммерческим и религиозным организациям; доверие к институтам государственной власти и местного самоуправления; доверие к финансовым институтам и бизнесу. Все показатели доверия оценивались по четырехбалльной шкале (от «доверяю полностью» (4 балла) до «не доверяю» (1 балл); оценка возможности полагаться на социальные сети, состоящие из представителей формальных и неформальных групп в решении тяжелых жизненных проблем, измеряемая по пятибалльной шкале (от «могу полагаться в полной мере» (5 баллов) до «у меня таких нет» (1 б)).

В качестве зависимых переменных выступали: индекс участия в организации коллективных действий, направленных на решение своих либо чужих проблем, реализации собственных и чужих замыслов и инициатив, полученный путем суммирования четырех переменных; индекс потенциала гражданского и политического участия, полученный путем суммарной оценки положительных ответов, выражающих одобрение и принятие различных способов и форм действия, дающих гражданам возможность повлиять на социальную ситуацию.

Качество полученных индексов оценивалось с помощью анализа надежности (α Кронбаха, оценка корреляций каждого пункта с суммарным баллом, изменения α при удалении пункта). Особенности представлений и поведения молодежи изучались путем сравнительного анализа в трех возрастных когортах (15-30 лет – собственно «молодежь», 31-49 лет – «среднее поколение» и 50-70 лет – «старшее поколение»).

Для оценки влияния социального капитала на гражданское и политическое участие был проведен иерархический регрессионный анализ. В первый блок были включены независимые переменные социально-демографического блока (пол, семейное положение, уровень образования и самооценка материального положения), которые являлись контролируемыми для переменных, помещенных во второй блок – индексов, созданных для измерения социального капитала. Качество полученной модели оценивалось по показателям объема объясненной дисперсии и статистической значимости коэффициентов регрессии по отдельным переменным.

Показатели доверия. Вероятность сотрудничества выше там, где больше доверия. Его наличие определяет объем и качество коллективных действий в обществе, уровень социальной сплоченности. Условиями формирования институционального доверия, то есть особого типа доверия, оказываемого индивидами социальным институтам, их представителям, институциональным практикам и процедурам [7] выступают качество государственных институтов и стабильность правовой системы, которые своей беспристрастностью обеспечивают экономическую стабильность государства и равенство всех

Оценка доверия к институтам гражданского общества в различных возрастных группах
(в % от ответивших на данный вопрос)

Институты гражданского общества	до 30 лет	31-49 лет	50 лет и старше	Общая выборка
Организации ветеранов	72,3	69,0	73,9	71,8
Организации инвалидов	71,1	68,0	71,1	70,1
Русская православная церковь	65,9	66,1	73,5	68,6
Организации социальной помощи	66,1	60,8	61,5	62,7
Общества защиты прав потребителей	63,0	64,6	56,7	61,4
Национально-культурные объединения	62,0	56,2	56,5	58,3
Правозащитные организации	63,4	55,9	54,5	57,8
Природоохранные организации	63,5	56,1	51,5	56,9
Средства массовой информации (СМИ)	52,6	52,2	54,7	53,5
Отечественные благотворительные организации	56,2	47,5	49,9	51,1
Профсоюзы	54,8	48,3	50,4	51,0
Некоммерческие организации	49,3	43,4	49,0	47,2
Общественные Советы при Администрации Алтайского края	46,6	40,8	51,3	46,3
Общественная палата РФ	44,9	40,4	48,8	44,7
Единая Россия	37,4	34,8	42,6	38,3
Зарубежные благотворительные фонды и общественные организации	33,7	26,2	26,3	28,6
Другие религиозные объединения и конфессии	29,7	26,6	24,5	26,9
Коммунистическая партия российской федерации	22,3	23,3	32,6	26,2
Этнические диаспоры	23,4	19,2	25,2	22,6
Справедливая Россия	20,5	18,8	17,7	19,0
Либерально-демократическая партия России	21,6	11,5	11,6	14,7

Примечание: в таблице представлены суммарные доли респондентов, выбравших варианты ответа «доверяю полностью» и «скорее доверяю, чем нет».

членов общества перед законом. Общественное доверие возникает по мере расширения радиуса контактов человека с окружающими его людьми. Когда государство не монополизирует власть, а заинтересовано и поддерживает инициативы по созданию различных общественных ассоциаций, неправительственных объединений для совместного решения с населением важных социально-экономических вопросов, оно косвенно способствует формированию социального капитала как общественного блага.

Лидирующие позиции в общем рейтинге доверия к институтам гражданского общества заняли организации ветеранов и инвалидов, Русская православная церковь, организации социальной помощи и защиты прав потребителей (более 60% суммарных положительных ответов). Общественные структуры, призванные консолидировать общественные и государственные интересы, наладить диалог с властями и участие в государственном управлении – некоммерческие организации, общественные советы при органах власти и Общественная палата РФ, оказались в реальности далекими от обычных граждан, которые имеют слабое представление об их функционировании.

В эту группу институтов, получивших от 30% до 50% суммарных оценок, была включена и партия власти «Единая Россия».

Наиболее низкие оценки доверия получили парламентские политические партии (кроме «Единой России»), зарубежные благотворительные фонды, неправославные религиозные организации и этнические диаспоры, набравшие менее 30% положительных оценок в общей выборке (табл. 1). Следовательно, для населения регионы были характерны консервативные и далекие от толерантных взгляды, неверие и одновременно острая потребность в защите своих прав и интересов, сохранение культурной и религиозной идентичности.

Молодежь выражала меньше доверия Русской православной церкви и КПРФ, в то время как уровень доверия к ЛДПР, правозащитным и природоохранным организациям, российским и зарубежным общественным благотворительным организациям значимо превышал соответствующие показатели в средней и старшей возрастных группах (критерий χ^2 , $p < 0,05$). Существующие в сознании молодежи ценностные приоритеты оказались ассоциированными

Оценка доверия к государственным институтам в различных возрастных группах
(в % от ответивших на данный вопрос)

Государственные институты	до 30 лет	31-49 лет	50 лет и старше	Общая выборка
Российской армии	66,1	68,5	77,1	70,7
Президенту РФ	51,6	54,1	63,1	56,4
Суду	59,0	54,0	54,1	55,6
Прокуратуре	58,8	52,3	54,4	55,1
Губернатору Алтайского края	48,3	51,8	64,3	55,0
Администрации Алтайского края	46,9	45,0	57,5	49,9
Краевому законодательному собранию	43,5	39,9	55,2	46,3
Российским банкам	51,2	44,4	43,4	46,2
Малому и среднему бизнесу	51,6	44,2	42,7	46,1
Правительству РФ	42,7	43,2	51,9	46,0
Полиции	48,8	44,2	44,7	45,8
Муниципальным (городским, районным) органам власти	43,8	38,5	49,5	44,0
Крупному бизнесу	44,6	38,6	29,1	37,4
Государственной Думе РФ	36,1	34,0	41,3	37,2
Страховым компаниям	42,1	26,8	27,2	31,9
Иностранным банкам	30,9	22,4	21,9	25,1

Примечание: в таблице представлены суммарные доли респондентов, выбравших варианты ответа «доверяю полностью» и «скорее доверяю, чем нет».

с защитой прав человека и гражданина, охраной окружающей среды, либерально-демократической идеологией.

Были получены результаты оценок и в отношении органов государственной власти и местного самоуправления, институтов финансовой сферы и бизнеса (табл. 2). Наибольшее доверие выразили российской армии, президенту РФ, суду, прокуратуре и губернатору Алтайского края. Хотя все эти институты занимали верхние позиции рейтинга, присутствовал значительный разрыв между доверием, оказываемым Российской армии и другим институтам. Безоговорочное доверие населения к вооруженным силам намного превосходило доверие к другим гарантам защиты прав и свобод. Наименьший уровень доверия был зафиксирован в отношении муниципальных органов власти, крупного бизнеса, государственной Думы, страховых компаний и иностранных банков. Последняя позиция получила минимум положительных ответов – 25,1%, что свидетельствует о негативном отношении населения к присутствию в экономике России финансовых структур зарубежных стран, несмотря на повсеместное обсуждение важности повышения инвестиционной привлекательности России для иностранного капитала. Фиксировалась нехватка доверия к институтам местного самоуправления, компенсируемая

преувеличенным доверием к институтам правопорядка и государственной власти в лице ее высшего руководства.

Молодежь выражала более критичное отношение к президенту, правительству и губернатору Алтайского края, в то время как к бизнесу, страховым компаниям и иностранным банкам проявляла больше доверия, чем другие возрастные группы.

Социальный капитал. Социальный капитал формируется на основе горизонтальных и вертикальных социальных связей индивида, составляющих его индивидуальную социальную сеть. Социальные сети должны способствовать реализации индивидуальных и коллективных действий, достижению выгоды или пользы на индивидуальном, групповом и общественном уровне. В оценке социальных сетей как структурного элемента социального капитала важно было выяснить, в какой мере и какие из них более всего способствуют реализации данной функции.

Наибольшую поддержку население черпало из неформальных сетей, состоящих из родственников, друзей и знакомых, тогда как на профессиональные сети и связи с людьми, которые побывали в подобной ситуации, рассчитывали в гораздо меньшей степени. Примечательно, что феномен соседства, часто рассматриваемый в исследованиях социального капитала как важный

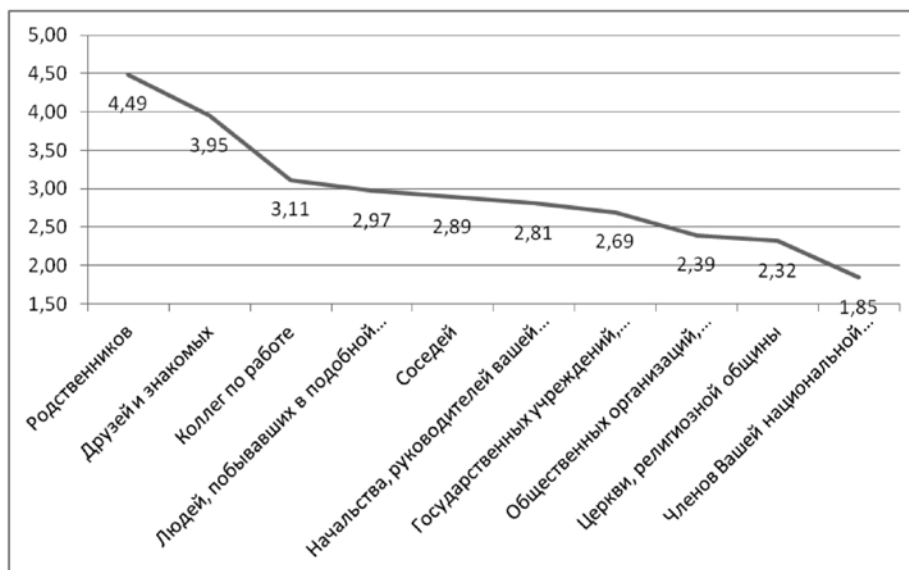

Рис. 1. Различия в восприятии социальных сетей поддержки разными возрастными группами. Вопрос: «В какой мере Вы могли бы полагаться в такой ситуации на помощь...» (средние значения, общая выборка).

фактор его увеличения, в нашем исследовании не получил достаточной выраженности: вероятность получения поддержки от соседей оценивалась заметно ниже, чем от друзей, знакомых и коллег по работе.

Формальные связи с общественными и религиозными организациями, государственными учреждениями и службами не выступали значимым источником социального капитала (от 40% до 60% отметили наиболее низкие баллы, средний ранг по данным шкалам составил от 2,69 до 2,32). Меньше всего баллов получили сети, состоящие из членов национальной общины – средний ранг составил 1,85 баллов (рис.1).

В ходе однофакторного дисперсионного анализа по данным шкалам в возрастных группах были выявлены существенные различия в восприятии вероятности возможной поддержки от родственников, друзей и знакомых, соседей, коллег по работе, членов религиозной и национальной общин. Последующий анализ контрастов, позволяющий осуществлять различные сравнения выборок по градациям независимой переменной на основе модифицированного варианта t-критерия (сравнивалась группа до 30 лет с группой, в которую были объединены респонденты старших возрастов), позволил выявить направление этих отличий. В сознании молодых людей большую ценность имели семей-

ные, религиозные и национальные связи, в то время как старшее поколение стремилось получать поддержку более традиционным способом – у соседей и коллег по работе (табл. 3).

Для оценки гражданского участия были заданы несколько вопросов, касающихся организации в течение последнего года коллективных действий для решения своей или чужой проблемы, реализации своего или чужого замысла, инициативы. Молодежь продемонстрировала более высокий уровень активности, использование которой для решения своих проблем составил 39,7% (в общей выборке 34,9%), для решения чужих проблем – 41,5% (в общей выборке 39,4%), реализации своего замысла, инициативы – 42,9% (36,2%), – реализации чужого замысла, инициативы – 33,3% (28,6%) (χ^2 , $p < 0,05$).

Для оценки потенциала гражданского и политического участия была использована шкала, направленная на фиксацию принятия/непринятия отдельных направлений общественной деятельности, представляющих континуум от социально-приемлемых мирных способов участия в решении социальных проблем до протестных практик ненасильственного сопротивления в виде гражданского неповиновения.

Подавляющее большинство благосклонно отнеслось к волонтерству и участию граждан в процессе принятия решений (более 90%), со-

Таблица 3.

Различия в восприятии социальных сетей поддержки разными возрастными группами

Социальные сети поддержки	Значение контраста	SE	t	p
Родственников	-,47	,093	-5,010	,000
Друзей и знакомых	-,33	,107	-3,042	,002
Соседей	,46	,125	3,655	,000
Коллег по работе	,18	,137	1,308	,191
Начальства, руководителей вашей организации, подразделения	-,12	,141	-,833	,405
Членов Вашей национальной общины	-,71	,148	-4,812	,000
Церкви, религиозной общины	-,41	,166	-2,446	,015
Людей, побывавших в подобной ситуации	-,29	,147	-1,987	,047
Общественных организаций, инициативных групп	-,29	,150	-1,931	,054
Государственных учреждений, служб	-,08	,130	-,611	,541

Примечание: Результаты применения метода контрастов для сравнения средних значений, полученных в ходе ответа на вопрос: «В какой мере Вы могли бы полагаться в такой ситуации на помощь ...»? Контрастные группы: молодежь до 30 лет и респонденты старшего возраста (31 год и старше). Отрицательное значение контраста соответствует более высоким средним значениям в группе молодежи, положительное – в старших возрастных группах.

Таблица 4.

Оценка форм защиты интересов и протестных действий в различных возрастных группах, % ответивших на вопрос

Формы защиты интересов и протестных действий	до 30 лет	30-49 лет	50 лет и старше	Общая выборка
Обращение за помощью к международным организациям	68,3	59,0	54,6	60,5
Делегирование своих представителей во властные структуры	71,4	75,3	71,7	72,8
Обращение за помощью к СМИ	71,4	76,2	74,9	74,2
Формирование общественного мнения	78,7	77,6	80,2	78,8
Лоббирование	48,8	45,7	41,2	45,2
Проведение общественных акций	77,6	71,6	66,7	72,1
Гражданское неповиновение	27,8	17,6	20,4	21,8
Создание общественных объединений	84,8	84,9	82,4	84,1
Волонтерство, безвозмездная помощь	92,7	92,4	94,3	93,2
Участие граждан в процессе принятия решений	91,7	92,4	92,8	92,3

Примечание: в таблице представлены доли респондентов, выбравших вариант ответа «позитивно» на вопрос «Как вы относитесь к таким направлениям общественной деятельности, как ...»?

зданию общественных объединений (84%). Наибольшее неприятие вызвало лоббирование (45,2%) и гражданское неповиновение (21,8%). Варианты ответа «делегирование своих представителей во властные структуры», «обращение за помощью в СМИ», «формирование общественного мнения», «проведение общественных акций» позитивно оценивались 72-79% граждан. Промежуточное положение между абсолютно одобряемыми и порицаемыми способами воздействия на ситуацию заняла позиция «обращение за помощью к международным организациям», которую поддержали 60%, состоящих преимущественно из молодых девушек 20-29 лет, имеющих неполное высшее образование.

Молодежь показала существенно более высокую готовность участвовать в протестных

действиях в виде общественных акций и акций гражданского неповиновения, обращаться за помощью к международным организациям и лоббировать свои интересы, в то время как участие в принятии решений, делегирование своих представителей в структуры власти были менее привлекательными (табл. 4).

Полученные в результате иерархического регрессионного анализа модели, включающие в качестве предикторов социально-демографические характеристики, показатели доверия и сетей поддержки, позволили выявить степень и значимость их взаимосвязи с реальным и потенциальным (в виде общей установки) участием. Технические характеристики индексов и результаты анализа их внутренней согласованности представлены в табл. 5, обобщенные результаты

Технические характеристики индексов, вошедших в регрессионную модель

Индекс	α Кронбаха	Среднее	Стандартное отклонение
Доверия к общественным институтам	0,93	51,02	8,3
Доверия к государственным институтам	0,93	35,3	11,7
Доверия к финансовым институтам	0,85	13,5	5,5
Социальных сетей поддержки	0,85	29,81	6,9
Гражданского участия	0,79	1,38	1,47
Установка на гражданское и политическое участие	0,80	6,5	3,0

Таблица 6.

Регрессионные модели предикции гражданского и политического участия

Предикторы	Гражданское участие	Установка на гражданское и политическое участие
Блок 1: социально-демографические характеристики		
Пол	-0,309*	0,344
Семейное положение	-0,103	-0,471
Материальное положение	0,073	-0,228
Уровень образования	0,339*	0,479
ΔR^2 (%)	2,4	3,6
Блок 1: социальный капитал		
Доверие к институтам гражданского общества	0,599***	0,424**
Доверие к государственным институтам	-0,134	0,198
Доверие к финансовым институтам и бизнесу	-0,328	-0,621**
Социальные сети поддержки	0,083	-0,041
ΔR^2 (%)	35,4	28,7
Итоговый R^2 (%)	37,8	32,3

Примечание: значения в ячейках представляют собой стандартизированные коэффициенты (β) финальной модели.
* $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

регрессионного анализа для возрастной группы до 30 лет – в табл. 6.

Социально-демографические факторы внесли небольшой вклад в объясненную дисперсию ($R^2 = 0,024$) зависимой переменной «гражданское участие». Среди всех вошедших в модель переменных этого блока наибольшей значимостью обладали пол респондента и уровень образования. С учетом кодирования данных при вводе (мужчины кодировались как «1», а женщины как «2»), полученный результат свидетельствовал о том, что принадлежность к женскому полу на уровне тенденции отрицательно сказывалась на гражданском участии, а уровень образования, напротив, был положительно связан с зависимой переменной. Чем выше уровень образования, тем больше было шансов на то, что молодой человек принимал участие в решении своих и чужих проблем, реализации замыслов и проектов.

Значимым результатом исследования стало подтверждение гипотезы о взаимосвязи гра-

жданского участия и социального капитала, представленного во втором блоке переменными институционального доверия, качества социальных сетей поддержки. Этим блоком объяснялось 35,4% дисперсии зависимой переменной. Уровень гражданского участия молодежи определялся, по сути, только одним фактором – доверием к институтам гражданского общества ($\beta = 0,599$, $p < 0,01$). Таким образом, ни доверие к формальным институтам власти, ни существующие сети поддержки (которые оказались, хоть и незначимо, но отрицательно взаимосвязаны с зависимой переменной) не являлись достаточными для стимулирования гражданской активности молодежи.

В модели, рассчитанной для установки на гражданское и политическое участие, блок социально-демографических переменных объяснял 3,6% дисперсии, но ни одна из переменных не обладала статистической значимостью. Более существенным вкладом обладал блок социального капитала ($\Delta R^2 = 28,7$). В этом бло-

ке две переменных из четырех имели высокий уровень статистической значимости: доверие к институтам гражданского общества ($\beta = 0,424$, $p < 0,05$) и доверие к финансовым институтам и бизнесу ($\beta = -0,621$, $p < 0,05$). В отличие от первого вида доверия, доверие к финансовым институтам и бизнесу вызывало обратный эффект и снижало уровень принятия различных направлений общественной деятельности, и, напротив, отсутствие доверия к бизнесу и финансовым структурам выступало в качестве стимула, провоцирующего гражданскую и политическую активность.

Выводы. На современную молодежь возлагаются большие надежды, что подтверждается пролонгированием федеральных целевых молодежных программ по поддержке социальной активности молодежи, молодежного бизнеса, созданием структур молодежного представительства в исполнительной и законодательной власти всех уровней. Ключевым фактором участия молодежи в общественной жизни является уровень развитости его социального капитала, представляющего собой объем поддержки, извлекаемой из социальных взаимосвязей, основанных на взаимных ожиданиях и доверии. Формирование социального капитала молодежи происходит в условиях кризисного функционирования социальных институтов, отвечающих за социализацию личности молодого человека и в условиях, характеризующихся высоким уровнем нестабильности и неопределенности. В итоге, социальный капитал молодежи приобретает черты и качества, отражающие особенности времени, взаимовлияние глобальных и локальных социальных, политических и культурных процессов.

Исследование показало, с одной стороны, общие черты социального капитала россиян, заключающиеся в повышенном доверии к президенту и вооруженным силам, общественным организациям, защищающим права граждан и предоставляющим социальную помощь, низкий уровень доверия к органам законодательной

власти и местного самоуправления, профсоюзам, некоммерческим организациям и большинству действующих политических партий. В решении сложных жизненных проблем население привыкло опираться на неформальные сети поддержки, состоящие из родственников и друзей, в то время как локальные сети соседства и профессиональные сети перестают выполнять эти функции, что свидетельствует о качественном изменении социального пространства и структуры социальных взаимосвязей россиян, их непрочности и кратковременности.

С другой стороны, институциональное доверие молодежи имеет особые черты, проявляющиеся в повышенном доверии к правозащитным и природоохранным организациям, бизнесу и банковской системе, зарубежным финансовым и благотворительным организациям, большую ценность приобретают семейные, религиозные и этнические связи. Совокупный уровень доверия и качества сетей поддержки приводит к обладанию большим, чем у других групп, социальным капиталом. Уровень гражданского участия молодежи оказывается гораздо выше, чем в других возрастных группах, и проявляется в более частом взаимодействии с некоммерческими организациями, коллективных действиях для решения своих и чужих проблем, реализации социально-значимой деятельности. Основанные на эмпирических данных модели показали существенную взаимосвязь гражданского и политического участия с социальным и человеческим капиталом молодежи, доверием к институтам гражданского общества, финансовым институтам и бизнесу.

Публикация подготовлена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках базовой части государственного задания ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», код проекта №28.1475.2014К «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. База данных исследований ВЦИОМа [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=899&q_id=62499&date=17.03.2013 (дата обращения: 14.07.2015)

2. Задорин И.В. Гражданское участие в России: картография проблем и решений // Политика. 2001. N1. [Электронный журнал]. URL: <http://www.hse.ru/data/2011/10/10/1270366310/110111.pdf> (дата обращения: 7.05.2014).
3. Кертман Г. Политика – дело грязное? Интерес к политике и отношение к политикам [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/blogs/10662> (дата обращения: 14.05.2015).
4. Кротов Д.В. Социальный капитал российской молодежи: монография. Ростов н/Д., 2009.
5. Манойло А.В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов // NB: Международные отношения. 2015. № 1. С.1-19. DOI: 10.7256/2306-4226.2015.1.12614. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_12614.html
6. Полищук Л., Меняшев Р. Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. 2011. № 12. С.46-65.
7. Сасаки М., Давыденко В.А., Латов Ю.В., Ромашкин Г.С., Латова Н.В. Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России [Электронный ресурс] // JIS. 2009. №1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-paradoksy-analiza-institutsionalnogo-doveriya-kak-elementa-sotsialnogo-kapitala-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 12.05.2015).
8. Тихонова Н.Е. Социальный капитал: теория и практика. Социальный капитал как фактор неравенства // Общественные науки и современность. 2004. №.4. С. 24-25.
9. A Handbook of Children and Young People's participation: Perspectives from Theory and Practice. Routledge, 2009.
10. Adler P.S., Kwon S.W. Social Capital: Prospects for a New Concept // The Academy of Management Review. 2002. Vol. 27. № 1. P.17-40.
11. Castiglione D., van Deth J.W., Wolleb G. The handbook of social capital. Oxford University Press, 2008.
12. Jarrett R. L., Sullivan P. J., Watkins N. D. Developing social capital through participation in organized youth programs: Qualitative insights from three programs // Journal of Community Psychology. 2005. № 33(1). P.41-55.
13. Krasny M., Kalbacker L., Stedman R., Russ A. Measuring social capital among youth: applications in environmental education, Environmental Education Research, 2013, DOI: 10.1080/13504622.2013.843647.
14. Mahar C., Harker R., Wilkes C. The basic theoretical positions. In R. Harker, C. Mahar, C. Wilkes (Eds.), In introduction to the work of Pierre Bourdieu: the Practice of theory. Basingstoke, England: MacMillan, 1990.
15. Morrow V. Dirty Looks' and 'Trampy Places' in Young People's Accounts of Community and Neighbourhood: Implications for Health Inequalities // Critical Public Health. 2002. № 10(2). P.141–152.
16. Schaefer-McDaniel N.J. Conceptualizing Social Capital among Young People: Toward a New Theory // Children, Youth and Environments. 2004. №14(1). P.140-150.
17. Tolonen T. Social and Cultural Capital Meets Youth Research: A Critical Approach. In: Youth and Social Capital, ed. by Helve H. and Bynner J. London: Tufnell Press, 2007. P. 29-42.
18. Персиянцева С.В., Акимова М.К., Иванова И.И. Гражданские практики как проявление гражданской идентичности у современной молодежи // Психология и Психотехника. – 2014. – 11. – С. 1142 – 1152. DOI: 10.7256/2070-8955.2014.11.12738.
19. Бальнин И.В. Оценка политической культуры российской молодежи (по итогам опросов в феврале-марте 2015 года) // Социодинамика. – 2015. – 6. – С. 1 – 19. DOI: 10.7256/2409-7144.2015.6.15561. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_15561.html
20. А.И. Киричек Формы политического участия и политической активности в современной российской молодежной среде // Право и политика. – 2013. – 1. – С. 75 – 84. DOI: 10.7256/1811-9018.2013.01.11.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Baza dannykh issledovaniy VTsIOMA [Elektronnyi resurs]. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=899&q_id=62499&date=17.03.2013 (data obrashcheniya: 14.07.2015)
2. Zadorin I.V. Grazhdanskoe uchastie v Rossii: kartografiya problem i reshenii // Politika. 2001. N1. [Elektronnyi zhurnal]. URL: <http://www.hse.ru/data/2011/10/10/1270366310/110111.pdf> (data obrashcheniya: 7.05.2014).
3. Kertman G. Politika – delo gryaznoe? Interes k politike i otnoshenie k politikam [Elektronnyi resurs]. URL: <http://fom.ru/blogs/10662> (data obrashcheniya: 14.05.2015).
4. Krotov D.V. Sotsial'nyi kapital rossiiskoi molodezhi: monografiya. Rostov n/D., 2009.

5. Manoilo A.V. Tsvetnye revolyutsii i tekhnologii demontazha politicheskikh rezhimov // NB: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2015. № 1. S.1-19. DOI: 10.7256/2306-4226.2015.1.12614. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_12614.html
6. Polishchuk L., Menyashv R. Ekonomicheskoe znachenie sotsial'nogo kapitala // Voprosy ekonomiki. 2011. № 12. S.46-65.
7. Sasaki M., Davydenko V.A., Latov Yu.V., Romashkin G.S., Latova N.V. Problemy i paradoksy analiza institutsional'nogo doveriya kak elementa sotsial'nogo kapitala sovremennoi Rossii [Elektronnyi resurs] // JIS. 2009. №1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-paradoksy-analiza-institutsionalnogo-doveriya-kak-elementa-sotsialnogo-kapitala-sovremennoy-rossii> (data obrashcheniya: 12.05.2015).
8. Tikhonova N.E. Sotsial'nyi kapital: teoriya i praktika. Sotsial'nyi kapital kak faktor neravenstva // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2004. №.4. S. 24-25.
9. A Handbook of Children and Young People's participation: Perspectives from Theory and Practice. Routledge, 2009.
10. Adler P.S., Kwon S.W. Social Capital: Prospects for a New Concept // The Academy of Management Review. 2002. Vol. 27. № 1. P.17-40.
11. Castiglione D., van Deth J.W., Wolleb G. The handbook of social capital. Oxford University Press, 2008.
12. Jarrett R. L., Sullivan P. J., Watkins N. D. Developing social capital through participation in organized youth programs: Qualitative insights from three programs // Journal of Community Psychology. 2005. № 33(1). P.41-55.
13. Krasny M., Kalbacker L., Stedman R., Russ A. Measuring social capital among youth: applications in environmental education, Environmental Education Research, 2013, DOI: 10.1080/13504622.2013.843647.
14. Mahar C., Harker R., Wilkes C. The basic theoretical positions. In R. Harker, C. Mahar, C. Wilkes (Eds.), In introduction to the work of Pierre Bourdieu: the Practice of theory. Basingstoke, England: MacMillan, 1990.
15. Morrow V. Dirty Looks' and 'Trampy Places' in Young People's Accounts of Community and Neighbourhood: Implications for Health Inequalities // Critical Public Health. 2002. № 10(2). P.141-152.
16. Schaefer-McDaniel N.J. Conceptualizing Social Capital among Young People: Toward a New Theory // Children, Youth and Environments. 2004. №14(1). P.140-150.
17. Tolonen T. Social and Cultural Capital Meets Youth Research: A Critical Approach. In: Youth and Social Capital, ed. by Helve H. and Bynner J. London: Tufnell Press, 2007. P. 29-42.
18. Persiyantseva S.V., Akimova M.K., Ivanova I.I. Grazhdanskie praktiki kak proyavlenie grazhdanskoi identichnosti u sovremennoi molodezhi // Psikhologiya i Psikhotekhnika. – 2014. – 11. – С. 1142 – 1152. DOI: 10.7256/2070-8955.2014.11.12738.
19. Balynin I.V. Otsenka politicheskoi kul'tury rossiiskoi molodezhi (po itogam oprosovv fevrale-marte 2015 goda) // Sotsiodinamika. – 2015. – 6. – С. 1 – 19. DOI: 10.7256/2409-7144.2015.6.15561. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_15561.html
20. A.I. Kirichek Formy politicheskogo uchastiya i politicheskoi aktivnosti v sovremennoi rossiiskoi molodezhnoi srede // Pravo i politika. – 2013. – 1. – С. 75 – 84. DOI: 10.7256/1811-9018.2013.01.11.